

Глава 1

ПИР НАРОДОВ

Ларс Болло осадил своего не в меру разгорячившегося коня, тот перешел с галопа на более спокойную рысь, а затем и вовсе остановился. Подъемный мост, ведущий к мрачной громадине замка Анчилот, медленно, с ужасающим скрипом опускался, открывая похотие на хищно раззявленную пасть ворота. Пока мост принимал горизонтальное положение, Болло задумчивым взглядом окидывал стены этого древнего, но все еще крепкого строения. Анчилот действительно был очень стар и представлял собой типичный образец замков имперских рыцарей, относящихся к периоду последней Войны Народов. Высокие стены из серого камня, окруженные глубоким рвом, на дне которого тускло поблескивала застоявшаяся до черноты вода, высоко взметнувшиеся к небу смотровые башни, увенчанные шпилями и украшенные пестрыми флагами фамильных цветов его владельца, красная черепица крыш, заметно потускневшая от времени и местами потрескавшаяся. В общем-то ничего особенного. Побывав в одном из подобных, можно было успокоиться и не тратить драгоценного времени на посещение всех остальных.

Мост в последний раз звякнул своими тяжелыми цепями и наконец-то опустился. Ларс порылся в седельной сумке и достал оттуда золотую маску, изображавшую филина. Его отлично знали в замке, но традиция, освященная веками, требовала того, чтобы член Высшего Совета Пира Народов обязательно прятал свое лицо, а Болло всегда трепетно относился ко всему, что так или иначе было связано с этой могущественной, но тщательно скрывающей свою истинную силу и влияние на происходящие в империи события организацией.

Их было восемь. Восемь представителей коренных рас,

населявших бескрайнюю империю Тау, восемь избранных, взваливших на свои плечи тяжкую ношу поддержания мира и спокойствия в каждом из ее уголков. Уже пять веков они неустанно следили за тем, чтобы хрупкое равновесие, установившееся в империи после долгой и кровопролитной войны, именуемой в летописях Войной Народов, не было нарушено ни одной из сторон. Откуда же взялось столь странное название для организации, занимающейся не каким-нибудь праздным увеселением, а исключительно серьезной политикой? Оказывается, ничего необычного в нем не было. По окончании Войны Народов и восшествии на престол императора Уильяма Дунгара был устроен грандиозный пир, на который были приглашены все наиболее влиятельные участники завершившегося конфликта, представляющие интересы различных сторон. Это грандиозное пиршество, по аналогии с минувшей войной, было названо Пиром Народов. Именно там, обменявшись мнениями в кулуарных беседах, несколько влиятельных лиц приняли решение создать некую тайную организацию, которая следила бы за соблюдением прав всех народов Тау, а также за тем, чтобы императорский дом не подмял под себя всю полноту власти. Саму организацию назвали по месту ее создания, и название это прочно закрепилось за ней.

Пять веков, прошедших без каких бы то ни было серьезных конфликтов, доказали эффективность работы Пира Народов. Какими способами этого удавалось достичь? Это была тайна, разглашение которой было бы равносильно предательству. Иногда удавалось уладить назревавший конфликт миром, иногда приходилось использовать и не очень чистые с моральной точки зрения методы, но ни одно из решений не принималось без одобрения всех членов Высшего Совета. Правило простого большинства здесь не применялось никогда. Пир Народов просто не имел права лоббировать интересы одной из групп в ущерб интересам другой, иначе деятельность Совета потеряла бы всякий смысл, да и вряд ли ему удалось бы тогда просуществовать столь длительное время.

Ларс Болло неспешно въехал во двор замка и легко, не смотря на свой уже несколько преклонный возраст, спрыгнул с коня.

— Вы, как всегда, пунктуальны, мастер Филин, — принимая узду, с почтением произнес конюх, улыбающийся молодой эльф.

Мастером Филином был он, Ларс Болло. Уже шестнадцатым за время существования Пира Народов, поскольку псевдонимы членов Совета передавались по наследству из поколения в поколение. Псевдоним соответствовал маске, которую носил его обладатель, и ее Ларс тоже получил от своего предшественника.

Что же касается конюха-эльфа по имени Дотриэль, то молодым Болло называл его скорее по привычке. Вечно юный народ внешне почти не меняется за свою долгую жизнь, и вполне возможно было предположить, что этот моложавый с виду конюх на самом деле был намного старше самого Болло. Просто когда-то, еще на заре деятельности Ларса в Высшем Совете Пира, кто-то из эльфов сказал ему, что Дотриэль еще очень молод, а когда у них наступает зрелость, для него так пока и осталось тайной.

— Пир в сборе? — кивком поприветствовав эльфа, спросил Болло.

— Почти все уже прибыли, — ответил конюх. — Ждем только Менестреля.

— Ох уж мне эти женщины! — снисходительно улыбнулся Ларс. — Все они одинаковы, к какому бы роду и племени ни принадлежали! Вечно опаздывают, и всегда по одной и той же причине. Наверняка наша очаровательная леди до сих пор усердно пудрит свой хорошенький носик, хотя он все равно будет скрыт под маской!

Менестрелем была принцесса Альвана из рода высоких эльфов, кстати сказать, первой и единственной. Принцесса стояла у самых истоков создания Пира Народов, и ее опыт был просто неоценим для всех остальных членов Совета. Правда, у эльфов был один существенный недостаток, который, возможно, и помешал им занять главенствующее положение среди всех прочих рас. Уникальная продолжительность их жизни как бы размывала границы времени, и любое решение принималось ими мучительно долго, постоянно вязло в бесконечных обсуждениях, спорах и дебатах. Хотя, надо признать честно, принцесса Альвана в этом отношении была приятным исключением из правила. Именно потому

она и закрепились в Совете Пира, который как раз и создали для того, чтобы оперативно реагировать на быстро меняющуюся обстановку.

Ларс вошел в гостеприимно распахнувшиеся перед ним двери и по широкой мраморной лестнице поднялся на второй этаж. Изнутри замок выглядел гораздо роскошней и эпатажней, чем снаружи. Его интерьеры не принадлежали тому же времени, что и стены, и были заново созданы в период правления императора Авеля Дунгара, о чем говорили богатство отделки, обилие декора и позолоты, а также чрезмерная помпезность во всем, начиная от мелких деталей и кончая мебелью.

Замок этот некогда принадлежал сэру Роланду Анчилоту, знатному имперскому вельможе, промотавшему при дворе все доставшееся ему в наследство от предков огромное состояние. Именно ему принадлежала идея переоборудовать свое родовое гнездо в соответствии со столичными вкусами и свойственным эрегонским вельможам размахом. Воплотив в жизнь столь впечатляющий проект, сэр Роланд вдруг неожиданно обнаружил, что его состояние попросту иссякло и ему нечем платить по счетам подрядчикам и кредиторам. Можно было попытаться отсрочить платеж, попробовать наконец продать замок и перебраться в жилище поскромнее этого, но доблестный сэр Роланд принял единственное решение, согласующееся с его собственными понятиями о рыцарской чести. Он бросился на свой меч, сделав малолетнего сына сиротой, а скорбящую вдову оставив прозябать в полной нищете. Так оно, наверное, и случилось бы, но госпожа удача, напрочь отвернувшаяся от не в меру расточительного рыцаря, решила в очередной раз показать непостоянство своего характера и неожиданно повернулась лицом к его наследникам.

Пир Народов уже давно подыскивал себе место, где можно было бы проводить свои встречи, не привлекая к ним особого внимания, а замок Анчилот удовлетворял практически всем требованиям этой тайной организации. Выкупив закладные покойного сэра Роланда, члены Совета разрешили вдове и оставшемуся сиротой мальчику проживать в замке и даже назначили им небольшой пенсион. Их новоиспеченной резиденции нужен был официальный хозяин, а кто лучше всего подходит на эту роль, если не потомственный владелец

замка, права на собственность которого исчисляются столетиями?! Леди Матильда Анчилот приняла условия Пира с благодарностью. Клятва молчания, которую пришлось принести уже почти впавшей в отчаяние женщине, и некоторые неудобства, вызванные тем, что частью замка ей пришлось пожертвовать для создания апартаментов своих новых благодетелей, казались минимальной платой за столь чудесное спасение. Ну а средств, поступающих от новых попечителей, вполне хватало как на содержание самого здания, так и на скромную, но все же вполне достойную знатной дамы жизнь.

Привычно следуя извилистыми коридорами замка, Ларс Болло наконец оказался перед массивной дубовой дверью, покрытой удивительной по своей красоте резьбой, в которой с первого же взгляда прочитывалась рука знаменитых на всю империю эльфийских мастеров. Среди людей тоже было немало прекрасных резчиков по дереву, но так понимать его текстуру, так успешно варьировать нюансы оттенков древесины и, наконец, создавать столь совершенные в своей упругой напряженности линии элементов декора умели только эльфы.

За этой роскошной дверью и находился Зал Совета Пира Народов. Это было просторное помещение, лишенное окон и какой бы то ни было мебели, кроме одиноко стоявшего посреди него круглого стола и восьми кресел с высокими спинками, расположенных по его периметру. Дополнял убранство зала огромный камин, искусно отделанный разными сортами мрамора. Шесть из кресел были уже заняты, одно предназначалось Болло, и последнее дожидалось мастера Менестреля, то есть принцессы Альваны. В зале Пира Народов Ларс даже мысленно старался называть своих коллег не по имени, а по псевдониму.

Болло молча кивнул собравшимся за столом членам Совета и проследовал на свое место. Зал Пира ничуть не изменился за время, прошедшее с последнего совета. Все те же обитые багровым бархатом стены, тускло поблескивающие позолотой резные детали декора, массивные подсвечники на столе. Здесь все как бы лишний раз подчеркивало значимость происходящего и его таинственность: и мрачность тонов отделки, и скудость освещения, и отсутствие каких бы то ни было посторонних предметов, этаких милых сердцу без-

делушек, придающих помещению жилой вид. Неровный свет огоньков плясал веселыми бликами на золотых масках этих лучших представителей своих народов, собравшихся здесь для того, чтобы решать судьбы как отдельных людей, так и целых народов.

Ларс знал их всех поименно. По правую руку от него, во-льно откинувшись на спинку кресла, сидел высокий худощавый северянин. Это был Корнелиус Линдл, он же мастер Велес. Корнелиус носил маску какого-то полузабытого местного божества, ужасающего с виду, но, как пояснял ее владелец, все же доброго внутри. Линдл был весьма искушенным в своем деле магом, да и вообще большим умницей. Его видение ситуации, как правило, отличалось новизной и свежестью, а предложенные варианты ее разрешения оригинальностью. Иногда он, правда, слишком уж увлекался своими идеями, отчаянно спорил, отстаивая их правоту перед коллегами по Совету, но зерно истины в его суждениях присутствовало всегда. Нужно было только суметь разглядеть его и аккуратно вычленить из нагромождения логических построений Велеса.

Дальше, таким скальным утесом, возвышалась фигура оркского вождя Барага аз Гурда. На вожде были тяжелые доспехи, с которыми он, похоже, не расставался даже во время сна, и маска Спящего Льва, закрывавшая широкое некрасивое лицо. Об орках обычно судят по их внешнему виду, говорят, что они грубы и невежественны, что ум у них примитивен и на редкость несовершенен. Да, конечно, есть среди этого народа и такие, далеко не самые лучшие его представители, но все это ни в коей мере не относилось к Барагу аз Гурду. Спящий Лев был мудр и практичен, решителен, но при этом осторожен в суждениях. Ларса всегда поражало в нем одно: как под личиной этакого варвара и дикаря мог скрываться столь тонкий и расчетливый политик, способный моментально обобщить и проанализировать все предложенные варианты видения проблемы и тут же выдать уникальное в своей простоте ее решение. Барага аз Гурда он уважал едва ли не больше всех остальных членов Совета и даже считал его своим другом.

Рядом с орком расположился гном Гарвин. Это обстоятельство уже само по себе было весьма примечательным, если

припомнить историю вековой вражды между двумя народами, но в данной ситуации аналогия с прошлым казалась явно неуместной — орк и гном отлично ладили друг с другом, а уж припомнить, чтобы они когда-либо ссорились, Ларс и вовсе не мог. Если же говорить непосредственно о Гарвине, то все знали о том, что он просто несметно богат. Злые языки даже утверждали, будто ему должен чуть ли не каждый второй житель империи Тау, включая самого императора, но все это по большей части относилось к разряду домыслов и слухов. Гном никогда не занимался ростовщичеством, а если уж и вкладывал свои капиталы в какое-либо предприятие, то лишь тщательно взвесив все возможности получения прибыли и исключив при этом малейший риск. Вероятно, потому он и был всегда при больших деньгах, что отлично знал цену и никогда не пускал на ветер. Гарвин носил маску Лиса, из-под которой пушистым хвостом торчала его огненно-рыжая борода. В Совете он представлял интересы не только гномов, но и всех купцов и торговцев, вне зависимости от принадлежности к тому или иному народу, что тоже, несомненно, делало ему честь.

Кресло напротив Ларса принадлежало лесному эльфу Лоэнгрему. В Совете он появился не так давно, лет восемь тому назад. Лоэнгрем занял место отошедшего от дел Эллеворда, чья трагическая судьба потрясла в свое время всех, кто более-менее знал этого умнейшего и образованнейшего из эльфов. Нет, он не погиб, как можно было бы предположить, но впал в черную меланхолию после смерти своей единственной, обожаемой дочери Таннаити, что было почти равноценно физической смерти.

Эта своего рода болезнь была свойственна исключительно эльфам. Живущие очень долго, они, однако, были не слишком плодовиты, и рождение ребенка для каждого из них являлось событием особым, можно даже сказать знаковым. Зачастую их первенец так и оставался единственным продолжателем рода. Семьи, имеющие двух детей, считались счастливыми, а уж те, кого боги одарили тремя чадами, и вовсе избранными. Смерть же кого-то из потомков становилась трагедией всей жизни и могла сломать даже самую железную волю. Именно это и произошло с Эллевордом. Он потерял всякий интерес к жизни, покинул сородичей и в полном оди-

ночестве переживал горечь невосполнимой утраты. Те, кому довелось его видеть, рассказывали, что эльф буквально за год превратился из вечно юного представителя своего племени в одряхлевшего старца, а это означало лишь одно — болезнь приняла необратимый характер и надежд на спасение не оставалось никаких.

Но как бы то ни было, а Пир Народов был обязан продолжать свою деятельность, и, посоветовавшись, члены Совета остановили свой выбор на Лоэнгреме. Этот эльф уже давно попал в поле их зрения благодаря своей энергичности, сочетающейся, как ни странно, с прагматичностью и высокой нравственностью. Да и сам Эллеворд тоже вроде бы не возражал против такого рода замены и, как рассказывали, лично передал маску Странника Лоэнгрему. За прошедшие восемь лет Пир Народов ни разу не пожалел о своем решении, хотя, возможно, новому члену Совета пока немного недоставало опыта и знаний своего предшественника.

Под следующей маской, маской Разъяренного Пса, скрывался прославленный в прошлом полководец лорд Эдвард Стоун. Военную службу он оставил уже давно, но грубоватые замашки солдафона сохранил до сих пор, возможно, как память о своих былых подвигах и победах. Члены Совета прощали лорду Эдварду эту его маленькую слабость, тем более что экспертом в военной области он был таким, каких теперь и не сыщешь, да и в вопросах политики тоже разбирался с удивительной для солдата легкостью. Разъяренный Пес оказался настоящей находкой для Пира Народов, поскольку кроме всех прочих достоинств он еще долгое время провел при дворе императора и сохранил там весьма обширные связи.

Ну и, наконец, последним из еще не представленных членов Высшего Совета являлся Голос Дракона. Это была самая загадочная и таинственная личность из всех, представленных на Пире Народов. Голос Дракона был человеком, или вернее будет сказать, что он выглядел почти как человек. Почему почти? Все дело заключалось в его глазах. Они были у него янтарного цвета и имели по четыре зрачка, как у самого настоящего дракона. От их проникающего, можно даже сказать гипнотического, взгляда становилось как-то немного не по себе. Казалось, будто Голос Дракона видит тебя насквозь,

способен заглянуть в самую глубину твоей души и, как по книге, прочитать там любую из самых сокровенных мыслей, прибереженную только для себя одного и не предназначенную для окружающих. Другого имени у него не было. Возможно потому, что псевдоним и составлял всю его сущность. Ведь он являлся представителем не кого-нибудь, а самого Варрависа, одного из немногих сохранившихся представителей древнейшего в мире племени — племени драконов. И кто знает, а может, это и был сам Варравис, принимавший на время участия в заседаниях Высшего Совета Пира человеческий облик? Не случайно же магия драконов считалась на Карелане самой могущественной и непостижимой!

Как бы то ни было, а Голос Дракона, наряду с принцессой Альваной и Эллевордом, стоял у самых истоков создания Пира Народов, стало быть, продолжительность его жизни никак не соответствовала обычным человеческим меркам. Говорил он на Совете обычно мало, как правило больше слушая остальных. В конце обсуждения Голос Дракона высказывал свое мнение по обсуждаемой теме. Чаще всего оно заключалось в короткой фразе вроде: «Варравис удовлетворен принятым решением» или «Варравис не возражает против этого».

Присутствие Голоса Дракона на Пире Народов можно было бы назвать чисто символическим, но бывали ситуации, когда он вдруг начинал проявлять неожиданную активность, и тогда своим красноречием мог убедить любого из остальных членов Совета принять его сторону. В таких случаях его мнение становилось непререкаемым, и вовсе не потому, что он каким-то образом давил на своих коллег. Все дело в том, что Пир Народов за время своего существования смог наглядно убедиться в умении представителя Варрависа, или самого дракона, что в сущности было одно и то же, разглядеть проблему там, где другие члены Совета ее просто не замечали. Казалось, речь идет о вещах второстепенных, что дело и яйца-то выеденного не стоит, но вдруг по прошествии некоторого времени все волшебным образом менялось. Второстепенное неожиданно оказывалось краеугольным камнем мироздания, поднятая Голосом Дракона проблема разрасталась до глобального уровня и, если бы не предпринятые

вовремя благодаря его вмешательству действия, грозила перерасти в настоящую катастрофу.

Как понимали члены Совета Пира, именно ради таких случаев Варравис и направил к ним своего представителя. Его мало занимали мелкие шалости младших народов, но если дети вдруг начинали играть с огнем, то тут уж старшему брату приходилось вмешиваться и отбирать у них опасную игрушку, дабы те по своей неразумности не спалили весь дом.

Пока члены Совета обменивались тихими репликами, в зал вошла принцесса Альвана. Как всегда обворожительная и неотразимая, она кокетливо поправила ручкой выбившуюся из умопомрачительной прически прядь волос, кивнула ожидавшим ее мужчинам и проследовала на свое обычное место.

— Ну вот, — галантно поцеловав даме руку, произнес Ларс Болло. — Все члены Совета в сборе, можем начинать Пир. Каждый из вас получил приглашение, а теперь хотелось бы узнать причину, послужившую для внеочередного сбора. Кто инициировал Пир Народов и какую проблему мы будем обсуждать сегодня?

— Пир Народов собран по просьбе Варрависа, — неожиданно для всех произнес Голос Дракона. — Он очень встревожен и считает, что все члены Высшего Совета должны узнать причину его беспокойства. Речь опять пойдет о Драконьем Камне.

— Нам казалось, что мы уже решили эту проблему, — как-то разом севшим голосом растерянно пробормотал Ларс Болло. — И поверь, решение это до сих пор тяжким грузом лежит на моей совести. Если бы его внес на рассмотрение кто-то другой, а не Варравис, моего согласия он не получил бы никогда.

— В том была жестокая необходимость, — спокойно ответил Голос Дракона. — Другого выхода из создавшейся ситуации у нас просто не имелось. Как бы то ни было, я все равно рад тому, что мудрость Варрависа не подвергается на Совете Пира сомнению. Что же касается императора Авеля, то он зашел слишком далеко. Его необходимо было остановить, и мы сделали это. Да, не спорю, физическое устранение — далеко

не самый гуманный способ решения проблемы, но повторю еще раз: поверьте, другого выхода у нас просто не было.

— И все же, — вступил в беседу лорд Эдвард Стоун. — Может быть, вы объясните нам, в чем именно заключалась эта опасность? Авель Дунгар был великим императором, возможно даже самым лучшим правителем за всю историю империи Гау. Кроме того, его любили и уважали все подданные, невзирая на то, к какому народу они принадлежали. Неужели не было возможности убедить Авеля отказаться от идеи использования Драконьего Камня? Разве не внял бы он доводам разума? Разве отказался бы принять мудрый совет? Более того, мы ведь уничтожили и его малолетнего наследника! Прошло уже семнадцать лет, а в народе до сих пор жива память об этом чудовищном преступлении. Я согласен с Филином, если бы не безоговорочная вера в мудрость Варрависа, никто из Пира Народов не взял бы на себя ответственности за пролитую кровь. А если уж говорить о последствиях, то смена правящей династии только ослабила империю. Спору нет, Натаниэль Сигвард достойный правитель, но сравнить его с покойным Авелем Дунгаром как-то даже язык не поворачивается. Он просто бледная тень своего великого предшественника. И опять же мне хотелось бы узнать — что произошло на этот раз? Почему мы вновь и вновь возвращаемся к столь болезненной для Совета теме?

— Что же, Пир Народов вправе знать правду, — немного подумав, ответил Голос Дракона. — Я расскажу вам все, но прежде хочу потребовать от имени Варрависа принести клятву в том, что все сказанное мной останется достоянием только членов Высшего Совета. Ни устно, ни тем более письменно никто из вас не будет иметь права излагать то, о чем я вам сейчас поведаю. Поверьте мне на слово, это очень опасная тема, и то, что Варравис решил открыть вам тайну Драконьего Камня, свидетельствует о его безмерном доверии к вам. Итак, я обязан спросить, принимает ли Пир Народов условия моего повелителя? Может ли он надеяться на ваше молчание?

— Да, мы клянемся, что все рассказанное Голосом Дракона никогда не будет обсуждаться вне этих стен, — за всех ответил Ларс Болло, и члены Высшего Совета дружно поддержали его слова.

— Хорошо. Варравис верит Пиру Народов, — кивнул Голос Дракона. — Тогда начну. А начать стоит с того, что же именно представляет собой этот самый Дракони́й Камень. Ни для кого из вас не секрет, что Варравис и все его соплеменники существа магические. Они обладают силой, не подвластной ни одному из прочих народов, а также уникальной продолжительностью жизни. Но и драконы все-таки тоже смертны. Правда, редко кто из них умирает собственной смертью. Для дракона позор умереть от старости, их удел — битва. Поэтому, чувствуя приближение конца, он вызывает на бой кого-нибудь из своих соплеменников и в этом последнем сражении находит себе успокоение.

Голос Дракона замолчал и обвел взглядом Пир Народов. Под золотыми масками не было видно выражений лиц, но ему и не надо было зрительного подтверждения того, что слушают его внимательно. Просто небольшая пауза была сделана им для того, чтобы члены Совета как следует усвоили услышанное.

— Мы подошли к самому главному, — продолжил он. — Что же происходит потом? А потом происходит следующее — дракон расстается не только со своей жизнью, но и со своей магией. Она выходит из его глаза в виде сгустка тягучей жидкости, именуемой Слезой Дракона, и победитель слизывает ее, принимая в себя всю магическую силу и мудрость побежденного соперника. Если этого не сделать сразу, то Слеза Дракона со временем твердеет, навечно запечатывая заключенную в ней субстанцию.

— Это очень интересно, — оживленно откликнулся Велес. — Для меня, как мага, рассказанное вами стало настоящим откровением. Но если следовать вашей же логике, то Дракони́й Камень, в который превращается Слеза, абсолютно безопасен!

— В принципе да, но не в случае с тем, который оказался в руках Авеля. Ни я, ни сам Варравис пока не нашли ответа на вопрос — каким образом Камень оказался в руках императора и кто надоумил его совершить то, что произошло? Дело в том, что к нему в руки попала живая Слеза. Это могло произойти только в двух случаях: либо АVELЬ стал свидетелем редкой смерти дракона от старости, либо собственноручно убил дракона, что для смертного можно даже причислить к

подвигу. И то и другое в принципе возможно, но последующие действия императора показывают, что он, кроме всего прочего, или был величайшим из когда-либо существовавших магов, или действовал по какому-то наитию свыше. Авель не мог поглотить Слезу, как это делают драконы, она просто убила бы его, но покойный император пошел другим путем, оказавшимся удачным. Он смешал магическую субстанцию со своей собственной кровью и тем самым подчинил ее себе. Драконий Камень Авеля — это магический амулет, талисман, подвластный только ему самому и его потомкам! И он тоже обладает силой дракона! Теперь вы понимаете причину тревоги, возникшей у Варрависа?! Допустим, что Авель Дунгар и в самом деле был величайшим из всех императоров Тау, допустим, что целый ряд его прямых потомков тоже будет обладать высочайшими нравственными и моральными качествами, но рано или поздно среди них найдется один недостойный, который употребит полученную силу во зло, и тогда весь мир погрузится в хаос. Именно потому Варравис и настоял на уничтожении всей династии Дунгаров, именно потому нам и пришлось прибегнуть к такой жестокой, но абсолютно необходимой мере!

— Если я правильно понял то, о чем поведал нам Голос Дракона, нашелся еще один неизвестный прежде потомок Авеля Дунгара? — после затяжной паузы произнес Барг аз Гурд.

— Спящий Лев, как всегда, видит вдаль, — кивнул посланец Варрависа. — Да, кровь Дунгаров пробудилась, и талисман вновь ожил. Это может означать только одно: прямой потомок императора Авеля достиг возраста зрелости. И перед нами теперь стоит целый ряд вопросов, на которые необходимо найти ответы. Во-первых — кто он? Во-вторых — где его искать? И в-третьих — как нам обезопасить талисман от попадания в его руки?

— А может Варравис более подробно рассказать нам о том, чем именно завладел Авель? — с очаровательной улыбкой, скрывающей все коварство поставленного вопроса, поинтересовалась принцесса Альвана. — Чью магию хранит в себе его талисман? Насколько она сильна? Достаточно ли у Варрависа собственных сил для того, чтобы противостоять ей? Я ведь правильно поняла ваше объяснение? Дракон, завла-

девший магией поверженного соперника, становится сильнее, а следовательно, могущество каждого из них различно?

— Безусловно, — кивнул Голос Дракона. — Но на все остальные вопросы ответов у Варрависа пока нет. Драконов осталось очень мало, и они не поддерживают отношений друг с другом. Да, они ощущают присутствие представителей своего народа, но только на астральном уровне. К сожалению, время драконов подходит к своему логическому концу. Варравис знает об этом и потому хочет передать вам Карелан как можно более спокойным и безопасным.

— Мы высоко ценим заботу дракона о младших народах, — согласился Ларс Болло. — Тогда другой вопрос. Можем ли мы попытаться уничтожить талисман? Или, к примеру, надежно спрятать его? Так, чтобы ни одна живая душа не нашла?

— Боюсь, что нет. Уничтожить Драконий Камень невозможно. Кроме того, пробудившийся амулет Авеля, вероятно, и сам за собой присматривает. Он ищет хозяина, а предполагаемый наследник, в свою очередь, интуитивно будет стремиться к тому, чтобы завладеть Слезой.

— Голос Дракона хочет сказать, что этот камень живой? — удивился Разъяренный Пес. — Как это предмет может сам за собой присматривать?!

— Очень просто. Он же содержит в себе и магию, и мудрость, и весь жизненный опыт дракона. Как талисман поступит в данном случае — неизвестно, но то, что он не даст себя в руки первому встречному, абсолютно предсказуемо. Хотя это пока только предположение Варрависа, но ничто не мешает нам проверить его. Надеюсь, у всех вас при себе имеются ключи от тайника?

— Мой всегда при мне, — быстро ответил слегка заинтригованный Эдвард Стоун. — Нам же было сказано ни на минуту не расставаться с ним, а я человек военный, приказы всегда исполняю с точностью! Даже, извините, в отхожее место по малой нужде без него не отправляюсь!

Принцесса Альвана несколько натянуто улыбнулась топорной шутке лорда Эдварда, но тут же извлекла из декольте своего элегантного платья маленький ключик. Остальные члены Совета последовали ее примеру.

Голос Дракона одобрительно кивнул и первым проследо-

вал к массивной резной детали на стене комнаты. Он вставил свой ключ в едва заметное отверстие на ее поверхности и отошел в сторону. После того как последний из членов Совета проделал ту же операцию, раздался легкий щелчок, и деталь медленно отъехала в сторону, открыв за собой небольшую нишу.

— Порядок! — радостно крикнул Гарвин. — Талисман на месте! Нет еще на этом свете умельца, который смог бы разгадать тайну настоящего гномьего замка!

Он протянул руку, чтобы извлечь Драконий Камень из тайника, но тот моментально вспыхнул красным огнем и исчез.

— Что за чертовщина?! — изумленно воскликнул гном. — Куда он подевался?!

— Никуда, — усмехнулся Голос Дракона. — Перемещать в пространстве он, на наше счастье, не может. Камень либо стал невидимым, либо немного сместил себя во времени. А ведь ты сильно рисковал, почтенный гном! Амулет мог нанести магический удар, а то и просто убить тебя!

— Предупреждать же надо, — недовольно буркнул Гарвин. — Я еще не тороплюсь досрочно покинуть этот мир.

— Извини, просто не успел. Я не думал, что после всего рассказанного мной ты до такой степени недооценишь опасность, исходящую от этого предмета. Ну вот вам и ответ! Камень пробудился, и он ждет своего хозяина! Никому другому, кроме наследника Авеля, Слеза в руки не дастся.

— Но мы же сами поместили амулет в этот тайник, — возразил Ларс Болло. — И в тот раз никаких проблем с ним не испытывали.

— Это говорит лишь о том, что в тот момент претендентов на владение амулетом еще не было, — ответил Голос Дракона. — Варравис был уверен, что род Дунгаров пресекся, и решил поместить Слезу здесь, в Анчилоте, только из уважения к утраченной части мудрости своего племени, а также потому, что негоже магической вещи, пусть и бесполезной, оставаться без надзора. Как вы видите, дракон оказался прав. Неизвестно, какие сюрпризы преподнесла бы нам эта вещь, не прояви он свойственной ему мудрости и предусмотрительности.

— Итак, что же мы имеем? — подвел итог Бараг аз Гурд. —

У нас есть опаснейшая магическая игрушка, которая никому не дается в руки, и есть неведомый претендент на нее. Если о первой нам известно хотя бы место ее нахождения, то о втором мы не знаем практически ничего. Нам остается только сторожить этот проклятый талисман и параллельно собирать сведения о предполагаемом наследнике Авеля Дунгара. Я правильно полагаю, что этот юноша обречен точно так же, как и его старший брат?

— Да, это единственный возможный выход, — с сожалением вздохнул Голос Дракона. — Как ни печально мне об этом говорить, но отец сам обрек своих сыновей на смерть.

— Филин, это твоя задача, — обратился к Ларсу орк. — Подключай Мигеля Кастигу, и пусть он начинает собирать сведения. В первую очередь, насколько я понимаю, нас интересуют любовные связи покойного императора?

— Легко сказать! — криво усмехнулся Ларс. — Абель Дунгар был велик не только на государственном поприще, но и в постели тоже. О его любовных похождениях слагают легенды по всему Карелану. А может, у него не один, а целая сотня неизвестных нам наследников?!

— Тогда необходимо найти и уничтожить их всех, — устало произнес Голос Дракона. — Хотя не стоит преувеличивать. Круг поисков заметно сужается. Камень пробудился лишь спустя семнадцать лет после смерти императора, а это, как я уже говорил, означает лишь то, что наследник родился уже после смерти самого Авеля. Предстоит детально изучить только последние несколько месяцев его личной жизни. И еще у нас имеется уникальный прибор, способный с точностью указать на смерть наследника. Камень вновь уснет после его гибели.

— Если только этот парень, а может быть, и не один, не успел еще затащить в постель какую-нибудь развеселую девицу, — с сарказмом в голосе парировал Болло.

Голос Дракона смертельно побледнел от этого вскользь высказанного Филином предположения. Такого варианта развития событий, похоже, не предусмотрел даже сам мудрый Варравис.

— Ты пугаешь меня! — севшим голосом прохрипел он. — Я совсем упустил из виду, что люди рано вступают в отношения с женщинами и при этом плодятся, как кролики!

— Тем и живы, — злорадно усмехнулся Ларс.

— Всех! Всех извести под корень! — на какое-то время потеряв самообладание, резко выкрикнул Голос Дракона. — Истребить подчистую все Дунгарово племя! Все равно, если при этом пострадают невинные! Угроза слишком велика, чтобы приходилось считаться со столь малыми потерями! Скажи, Филин, чего тебе надо, и Варравис даст тебе это! Нужны деньги — так его сокровища неисчислимы! Нужны люди — найми самых лучших, и он покроет все издержки. Только действуй! Действуй быстро и решительно, как ты это умеешь! Промедление смерти подобно!

— Не кипятись, друг мой, — рассмеялся Ларс. — Опасность, конечно, существует, но не такая уж она и страшная. Парни в этом возрасте обычно еще слишком застенчивы, и вряд ли потомок Авеля, несмотря на все папашины подвиги, какое-то исключение из данного правила. Право, не стоит истреблять весь род людской только ради того, чтобы обеспечить ему счастливое и безопасное будущее.

— Прости, — пристыженно опутив в пол свои странные глаза, пробормотал посланец Варрависа. — Я не имел права давать волю своим эмоциям. Драконы крайне вспыльчивы, а я слишком долгое время был тесно связан с моим господином. Но, к счастью, их мудрость обычно перевешивает чувства. Ты прав, Филин! Ни к чему хорошему лишняя кровь не приведет. Смерть императора и так уже послужила поводом для ненужных разговоров. Пир Народов не должен привлекать внимания к своей деятельности.

— Это точно! — подтвердил Эдвард Стоун. — Я как раз хотел воспользоваться случаем и известить вас всех о том, что император Натаниэль, возможно, о чем-то подобном догадывается. По моим сведениям, он послал в Боутванд своих шпионов, целью которых является расследование обстоятельств гибели предшественника.

— А почему именно сейчас, спустя семнадцать лет? — настороженно спросил Лоэнгрэм. — Мне как-то не слишком нравится совпадение в сроках этого события с тем, которое мы обсуждали только что. Натаниэль может знать о существовании наследника Авеля?

— Не исключаю и такой возможности. К нему вполне могли попасть дневники и все прочие записи покойного. Кроме

того, Натаниэль был в тесных дружеских отношениях с Авелем, так что особых секретов между ними никогда не было. Но дружба дружбой, а своя рубаха ближе к телу. Император, вероятно, опасается, что насильственная смена правящих династий может войти в традицию. Ведь если существует законный наследник, происходящий из рода Дунгаров, то право на престол самого Натаниэля Сигварда выглядит весьма сомнительным, и это не может не тревожить его.

— Что же, тогда наши с ним планы кое в чем совпадают, — промурлыкала принцесса Альвана. — Император хочет избавиться от предполагаемого соперника, а мы — от хозяина амулета Авеля. Поскольку, как я понимаю, это одно и то же лицо, мы можем использовать шпионов Натаниэля в своих собственных интересах. Надо только вычислить этих людей и направить их деятельность в нужную нам сторону. Думаю, и то, и другое не составит для Пира Народов особого труда?

— Несомненно, — согласился лорд Эдвард. — Тем более что мне хорошо известен один из этих шпионов. Это некий Гарольд Финсли, доверенное лицо императора. Человек он достаточно умный, цепкий, но и не без слабых мест. Есть в его прошлом кое-какие неприглядные факты, о которых при случае можно будет напомнить. Я готов предоставить Кастиге всю имеющуюся у меня информацию, касающуюся Финсли.

— А что известно о втором? — спросил Ларс.

— Шпион он начинающий, еще никак себя не проявивший. Как мне стало известно, это его первое задание. Его зовут Нэвил Хаггард. Происхождения низкого. Вроде бы он сын кормилицы принца Витаса, наследника Натаниэля. Что касается его отца, то здесь точных сведений у меня нет. По слухам, вроде бы им был отставной солдат. Император принимает некоторое участие в судьбе парнишки и, похоже, готовит его на перспективу. Ведь Гарольд Финсли тоже уже не молод, а преемственность в шпионаже вещь чрезвычайно важная. Но пока перспектива того, что юный наушник Натаниэля станет настоящим профессионалом своего дела, выглядит слишком уж отдаленной. В настоящее время он, как мне кажется, не представляет для Пира Народов никакой серьезной опасности.

— Что же, информация весьма ценная и исчерпываю-

щая, — удовлетворенно кивнул Болло. — Я приму к сведению пожелание Пира Народов и дам указание Мигелю проследить за этой парочкой. Возможно, Финсли и его молодой напарник выведут нас на цель.

— А почему император послал их именно сюда, в Боутванд? — задумчиво спросил Велес. — Насколько мне известно, Авель в этом городе вообще никогда не появлялся, а значит, искать его предполагаемого наследника здесь следовало бы в самую последнюю очередь. Нет, в ваших рассуждениях определенно есть какой-то изъян. Скорее уж Натаниэль что-то разнюхал о Пире Народов, а вот это уже действительно опасно. Я бы все-таки не стал так беспечно заглатывать брошенную им наживку. Если уж о секретных агентах стало известно еще до их прибытия в Боутванд, значит, либо они сами полные профаны в своем деле, что представляется мне крайне сомнительным, либо так называемая случайная огласка является частью какого-то далеко идущего плана.

— Ты сомневаешься в достоверности моих сведений? — насупившись, спросил лорд Эдвард.

— Ничуть! — покачал головой Велес. — Я сомневаюсь только в той трактовке, которую мы им дали. Натаниэль ведет какую-то собственную игру, и она отнюдь не сводится к тому, чтобы надежнее укрепить сиденье своего трона.

— Доводы серьезные, — согласился с Велесом Гарвин. — Их ни в коем случае нельзя отбрасывать. Но с другой стороны, мы не узнаем ровным счетом ничего, если попросту проигнорируем появление в Боутванде агентов императора.

— Успокойтесь, господа! — прервал спор Ларс Болло. — Во-первых, по поводу сомнений Велеса я могу выдвинуть и другое, вполне правдоподобное предположение. Авелю Дунгару совсем не обязательно было приезжать в Боутванд, чтобы обзавестись здесь наследником. Сюда после смерти императора могла перебраться его фаворитка либо уже с ребенком, либо беременная им. Ну и во-вторых, Мигель Кастига лучший специалист своего дела. И он скорее умрет, чем даст возможность кому-либо обвести себя вокруг пальца. Кроме того, он связан только со мной и почти ничего не знает об остальных членах Совета.

— Что же, тогда удачи ему в этом деле, — сдался Велес. — Но все равно меня несколько тревожит внезапное проявле-

ние интереса к Боутванду со стороны императора. Насколько я понимаю, на сегодня круг обсуждаемых вопросов исчерпан? Тогда предлагаю завершить Пир и разойтись по своим комнатам. Чертовски хочется есть!

— С удовольствием составлю тебе компанию, — улыбнулся Ларс Болло. — Думаю, и остальные члены Совета тоже не возражают против хорошего ужина? Леди Анчилот наверняка приготовила к нашему приезду что-нибудь особенное.

Маски дружно поднялись со своих мест и направились к выходу из зала. Ларс Болло взял под руку Велеса, явно желая побеседовать с ним о чем-то наедине, Бараг аз Гурд и Гарвин тоже тихо договаривались друг с другом о чем-то своем, принцесса Альвана и Лоэнгрем перебрасывались многозначительными взглядами. Пир Народов переходил в свою следующую, кулуарную стадию.

Глава 2 КУЛУАРНЫЕ БЕСЕДЫ

— Что скажешь, друг Гарвин? — снимая маску, тихо спросил гнома Бараг аз Гурд. — Как тебе понравился сюрприз, преподнесенный нам сегодня Голосом Дракона?

— Не понравился абсолютно, — угрюмо буркнул гном. — Варравис темнит, и это ясно как божий день.

— Тебе тоже так показалось? Да, бесспорно. Вроде бы сказал он очень многое, но еще больше утаил. А еще я заметил, что Голос Дракона явно напуган чем-то. Напуган так, что даже позволил себе срыв перед остальными членами Совета. И причина этого страха, как я думаю, заключается не в возможном крушении мировых устоев, а в чем-то личном. Неужели мощь амулета настолько велика, что пугает даже могущественного дракона?!

— Вероятно. Ничем другим, кроме мутящего разум ужаса, я не могу объяснить той ошибки, которую его посланник допустил сегодня. Кстати сказать, она единственная, которую я могу припомнить за все время своего пребывания в Совете Пира.

— Ты имеешь в виду, что Варравис невзначай дал нам в руки оружие против себя самого?

— Конечно! Ведь то, что однажды удалось совершить Аве-лю, вполне может попытаться повторить и кто-то другой. А уж свой зуб на племя драконов хранит в памяти каждый из народов Карелана. Это сейчас они спокойно возлежат на горах сокровищ и предаются высоким размышлениям о будущем мира. А откуда, скажи мне на милость, взялись эти самые несметные сокровища?! Созданы самими драконами? Как бы не так! Они самым бесстыдным образом были украдены у других народов! Где силой, где шантажом, где обманом. Спору нет, все это теперь уже в далеком прошлом, но только страх перед драконами жив в сердцах обитателей Карелана до сих пор. Их слово — непререкаемый закон для остальных народов. Скажешь, что они и в самом деле мудры? Не стану спорить. Но каждый раз, безропотно исполняя любую из прихотей Варрависа, мы подспудно держим в уме еще и то, что может случиться, если мы этой воле воспротивимся.

— Ты считаешь, что мы зря пошли на поводу у дракона в деле устранения Авеля Дунгара? — спросил орк.

— Сейчас нет, а тогда мне и в самом деле казалось, что Пир Народов совершает чудовищную ошибку.

— Голос Дракона сегодня убедил тебя?

— Убедил. Но только не в том, в чем хотел. Понимаешь, Бараг, сейчас в империи Тау существует пусть очень хрупкое, но все же равновесие интересов всех народов. Да, формально мы все — подданные императора. Люди победили в последней войне, и право назначать правителя бесспорно принадлежало им. Но первому из династии Дунгаров хватило ума не перекраивать нашу жизнь на свой собственный лад, а оставить все как есть, без изменений. Его потомки тоже проявили мудрость, продолжив линию правления своего великого предка, и все прочие народы высоко оценили это. Вспомни, какую бурю негодования вызвала весть об убийстве Авеля во всех уголках империи. А ведь возмущались совершённым преступлением не только люди, но и эльфы, гномы, орки! Да я и сам, могу признаться честно, чувствовал себя таким отвратительным, грязным убийцей и пил не просыхая почти целый месяц. Но сегодня Голос Дракона снял камень с моей души. Варравис объяснял необходимость устранения Авеля и его потомков обеспокоенностью будущей судьбой всего мира, я же, возможно, мыслю мельче и за-

бочусь только о своем племени. Так вот нам, гномам, крайне невыгодно еще большее усиление позиций людей, а магический амулет, обладающий силой дракона, несомненно приведет именно к этому. То же самое, наверное, ты можешь сказать и от имени орков. Наши народы и так уже зачислили во второй сорт, и все потому, что ни мы, ни вы не обладаем достаточно сильной магией.

— Не скромничай, Гарвин, — улыбнулся своей клыкастой пастью орк. — А как же те чудесные вещи, которые выходят из рук ваших мастеров?! Да они просто насквозь пропитаны волшебством!

— Обыкновенные игрушки, — пренебрежительно махнул рукой гном. — Магия в них чисто бытовая, не дающая обладателю этих предметов ровным счетом никакой силы. Она точно так же отличается от настоящей, как перочинный ножик от боевого меча. То, чем владеют люди и эльфы, а тем более драконы, гораздо серьезнее и намного опаснее. Именно потому нам необходимо найти и обезвредить наследника Авеля, даже если остальные члены Совета станут саботировать принятое нами решение.

— Ты считаешь, что возможен и такой вариант? — удивился орк. — Мне показалось, что сегодня все были единодушны в своем мнении и вопрос о будущем наследника Авеля приняли единогласно.

— Возражений не было не потому, что все безоговорочно согласны с предложением Голоса Дракона. Просто никто не хотел заранее раскрывать своих планов, а они, несомненно, имеются у каждого из членов Совета. Да, мы давно знаем Филина, Велеса и Разъяренного Пса, привыкли доверять им, прониклись уважением за проявленную терпимость и сдержанность к другим народам. Но они все же люди. У них тоже есть свои интересы, и в данном случае интересы эти могут в корне отличаться от наших. Нравится нам с тобой это или нет, но сейчас мы оказались в одной связке с Варрависом. Ликвидация наследника Авеля выгодна и нам, и ему, хотя и по разным причинам.

— Ты забыл упомянуть про эльфов, — напомнил Гарвину Барга аз Гурд. — Разве и они тоже не являются нашими естественными союзниками в этом вопросе?

— Как знать... — с сомнением в голосе ответил гном. — В жилах Дунгаров текла и эльфийская кровь. Во всяком случае, я не стал бы доверять им точно так же, как, скажем, тебе. Это очень хитрый и коварный народ, постоянно ведущий двойную игру. Они способны даже из очевидного поражения извлечь для себя выгоду. Вроде бы в последней войне против людей мы сражались с ними плечом к плечу, а ты помнишь, чем все закончилось?! Уильям Дунгар, основатель правящей до недавнего времени династии, взял в жены принцессу Мариэль, и люди с эльфами заключили сепаратный мир! Наши же народы были поставлены перед выбором: либо погибнуть в неравной борьбе, либо просто сложить оружие.

— Да, ты прав, — задумчиво произнес Бараг аз Гурд. — Многие из орков до сих пор помнят это предательство и относятся к эльфам значительно хуже, чем к своим прежним врагам — людям. Ладно, чего уж теперь ворошить прошлое?! Давай лучше вернемся к нашей теме. По-твоему выходит, что Пир Народов сейчас стоит на грани раскола? Жаль. Идея была здоровой и на протяжении нескольких веков доказывала свою состоятельность. Скажу честно, мне бы очень не хотелось, чтобы столь нужное начинание сошло на нет.

— Мне тоже, но — увы, реалии сейчас таковы, что, если мы не сможем загнать обратно в кувшин джинна, выпущенного на свет императором Авелем, Пир Народов все равно обречен. Мы не сможем сдержать амбиций людей и зафиксировать ситуацию в ее нынешнем положении. Получив столь могущественную поддержку, как магический талисман, обладающий силой дракона, они сразу же начнут перетягивать одеяло на свою сторону. Соблазн слишком велик, и он может помутить даже самые светлые из голов. Я задам тебе один вопрос, Бараг, только ты, пожалуйста, не обижайся на меня. Мне просто очень важно знать ответ, а потому я предельно откровенен с тобой. Скажи, я могу рассчитывать на твою помощь или ты по старой дружбе все же пойдешь вместе с Филином?

Бараг аз Гурд на минуту задумался. Орку очень не хотелось идти против Ларса Болло, дружбой с которым он очень гордился. А еще больше вождь дорожил возникшими между ними доверительными отношениями. Но и другого выхода, если разобраться, у него просто не было. Не умный и терпи-

мый Ларс будет определять политику людей в отношении орков, а тот, в чьих руках окажется магическая сила амулета. К чему это может привести, догадаться было не так сложно. Бараг аз Гурд не строил никаких иллюзий относительно истинного отношения большинства людей к представителям его племени. Их считали невежественными дикарями, грубыми и невоспитанными, и терпели разве что только сквозь зубы. Достаточно будет малейшего повода, малейшей провокации — и его народ вновь загонят в пустынные, бесплодные земли, дабы он не раздражал своим навязчивым присутствием новых хозяев жизни. Этого вождь допустить не мог никак. Он столько сил приложил к тому, чтобы орки хотя бы на бумаге считались равноправными гражданами империи, а возвращение к прежнему состоянию было для него смерти подобно.

— Я пойду с тобой, Лис, — наконец сказал он. — Отношения отношениями, а своя рубаха все равно ближе к телу. Скрывать не стану, мне безумно жаль этого несмышленого паренька, вся вина которого заключается лишь в том, что он появился на свет, но я все равно не задумываясь перережу ему горло. Исключительно ради спокойствия, дабы навсегда прекратить эту мышиную возню вокруг Драконьего Камня.

— Спасибо, — с чувством произнес Гарвин. — Я не забуду этого. Что и говорить, между нашими народами слишком часто пробегала кошка, но гномы всегда уважали в орках сильного противника, не способного на подлость. Вы достойные воины и всегда бились честно.

Гарвин нисколько не кривил душой, ставя на одну ступень два столь разных народа. Гномам, конечно, перепало чуть больше уважения от людей, чем оркам. Их ценили за мастерство, за трудолюбие, за упорство, с которым они двигались к своей цели, но это было элементарное уважение хозяйина к ценному работнику, и не более того. В правящую же элиту всегда входили только люди и эльфы. Гномам путь туда был заказан. Даже сейчас, обладая огромным состоянием, Гарвин не мог добиться для себя права занять ни одного мало-мальски значительного поста во власти, и такое пренебрежение порой доводило его до бешенства. Пир Народов в этом смысле стал некой отдушиной для неудовлетворенного тщеславия гнома, но сейчас и эта отдушина грозила закрыть-

ся. Бараг аз Гурд виделся ему единственным возможным союзником в сложившейся ситуации, и здесь он тоже не лукавил.

— А теперь, если не возражаешь, давай выпьем по кружечке-другой старого доброго пивка, — дружески пожав могучую орочью лапу, продолжил он. — Клянусь своей бородой, этот славный напиток стоит того, чтобы время от времени смачивать им глотку!

— Леди Анчилот так прониклась благодарностью за оказанную ей помощь, что снабжает тебя этим «презренным пойлом простолюдинов»? — недоверчиво посмотрев на гнома, усмехнулся Бараг аз Гурд.

— Нет, что ты! — рассмеялся Гарвин. — Да и не стал бы я до такой уж степени компрометировать нашу знатную даму! Бочонок славного эля я всегда вожу с собой. Так сказать, на всякий случай. Ведь, как говорят у нас, гномов, не всякий, кто варит пиво, — пивовар, и не всякий пивовар варит пиво. Бывает, такую дрянь подадут, что с души воротит! Я же обычно покупаю его у старого Дили из «Серой голубятни». Он, конечно, изрядный зануда и ворчун, но зато уж пивовар отменный, каких теперь редко сыщешь.

— Верю тебе на слово, — добродушно согласился Бараг аз Гурд. — Кому, как не гному, лучше других разбираться во вкусовых качествах своего любимого напитка.

— Нет, ну каков наглец! — возмущенно фыркнул Корнелиус Линдл, присаживаясь к столу. — Распоряжается Пиром Народов так, словно все остальные члены Совета являются его данниками! Эта престарелая, перегревшаяся от своего внутреннего жара ящерица определенно страдает манией величия!

— Не кипятись, Велес, — успокоил его Ларс Болло. — Не спорю, тон, который позволил себе Голос Дракона, был недопустимо надменен и груб, но в словах Варрависа все же есть зерно истины. Мы, я имею в виду младшие народы, еще не готовы к тому, чтобы самостоятельно распорядиться силой амулета.

— Не готовы, говоришь? — усмехнулся Велес. — А к чему именно не готовы? Ведь Голос Дракона так ничего конкретного и не сказал нам о том, что именно содержит в себе этот

злосчастный Камень. А может, это вообще пустая, бесполезная игрушка?! Авель Дунгар не смог же с ее помощью защитить себя от убийства! И это имея в своем распоряжении всю магическую силу и мудрость дракона! Как тебе нравится такая точка отсчета?! Возникает вопрос — а настолько ли они велики, чтобы ради этого убивать великого правителя, каким, вне всякого сомнения, был покойный император? И имеем ли мы право приносить в жертву прихоти Варрависа последнего, чудом сохранившегося Дунгара? Вот что меня заботит, Филин, а не мифическая угроза, якобы исходящая от талисмана! Да, Пир Народов был создан для того, чтобы следить за соблюдением интересов всех племен и не допускать возникновения тирании со стороны императора. Но вступил ли Авель на этот путь? Что мы можем поставить ему в вину? Почему мы приговорили его к смерти, даже не дав возможности оправдать свои действия?! Нет, Ларс, это не император, а мы сами превысили свои полномочия и сейчас просто обязаны попытаться восстановить справедливость!

— По логике вещей ты прав, но по факту подобные действия приведут к еще большему обострению обстановки, а возможно, даже и к войне. Ты уверен в том, что Натаниэль Сигвард добровольно уступит права на престол бастарду Авеля, чье императорское происхождение еще надо доказать? Я лично — нет! Бастарды вообще тема скользкая, потому правители, за редким исключением, и не спешат признавать их своими детьми. Ну а в нашем случае особенно. Даже не будь этого проклятого талисмана, неожиданный побочный наследник уже являлся бы крайне дестабилизирующим всю империю фактором.

— Можно подумать, он стоит с мечом у ворот Эрегиона и требует признания своих прав на престол! — насмешливо возразил Велес. — Да этот паренек знать ничего не знает о своем венценосном папаше, живет себе самой обычной жизнью и, возможно, даже счастлив ею. Зачем ворошить прошлое! Зачем выводить его из этого состояния умиротворяющего неведения?! Зачем, наконец, лишать этого человека чуда жизни, которая отнюдь не нами дана!.. Не проще ли оставить все так, как оно есть, и положиться на волю богов? Уверен, что они гораздо мудрее и всех нас, вместе взятых, и даже «несравненного» Варрависа!

— Что же, возможно, ты и прав, — подумав, произнес Ларс Болло. — Если уж богам было угодно сохранить жизнь этому юноше, значит, они и в самом деле имеют на него какие-то свои планы?

— Вот именно! — оживленно поддержал его Велес. — И вряд ли эти планы носят губительный характер! Боги уже не один раз проявляли свое милосердие по отношению к младшим народам, и нам грешно сетовать на них. В последнее время я сильно увлекся изучением древнейшей истории и пришел к парадоксальному выводу, что не драконы, а мы, люди, эльфы, гномы и даже орки, являемся истинными хозяевами этой земли. В нас, а не в них, боги вложили зерно своего творения, и нам же они покровительствуют, ведя через многочисленные испытания к величию и славе.

— И на чем же конкретно основаны твои выводы? — с сомнением в голосе спросил Ларс. — Драконы всегда были сильнее нас, разве не так? И дело даже не в физической силе, сравнивать которую просто не имеет смысла. За ними стоит огромный опыт поколений, оспаривать который просто глупо!

— И все же я попробую, — усмехнулся Велес. — Так вот, начну с того, что драконы не являются коренным народом нашего мира. Это ясно с первого же взгляда! Они настолько отличаются от всех прочих обитателей Карелана, что только слепой не увидит этой разницы. Мы по привычке считаем их гигантскими ящерами, но являются ли они таковыми?! Ни в коем случае! Во-первых, у всех представителей этого класса кровь холодная, а у драконов она просто кипит. Во-вторых, где ты видел ящерицу, способную извергать огонь? А умеющую летать? Тоже нет! Тело драконов покрыто чешуей, что в нашем мире присуще только рыбам, но никак не ящерам, и это тоже аргумент в пользу моей теории.

— Так кто же они такие тогда? — изумленно спросил Болло.

— Пришельцы, — решительно ответил маг. — Пришельцы из какой-то другой реальности, нагло вторгшиеся в наш мир и захватившие в нем главенствующее положение. Произошло это в ту пору, когда Карелан находился еще на самой ранней стадии своего становления, а потому не смог противостоять столь наглой агрессии. Вот ты говоришь о поколениях

драконов. А я хочу задать тебе такой вопрос: а были ли они, эти поколения? Ты видел хоть одного детеныша дракона? А самку? Я, например, не нашел ни одного упоминания о них.

— Ну и какой же из этого следует вывод?

— Драконы на Карелане однополы, а потому они не способны к воспроизводству себе подобных.

— Но это же невозможно! — воскликнул Ларс.

— Возможно, но только в одном случае — в том, о котором я тебе и говорю. Драконы попали сюда из какой-то другой реальности. Возможно, это был передовой отряд воинов, проникший на Карелан через случайно открывшиеся врата между мирами и застрявший здесь. Может, на самом деле все происходило как-то иначе, точного ответа на этот вопрос я дать не могу, но факт остается фактом: драконы не способны восполнять свои редуемые ряды, их число постоянно снижается, и однажды наступит день, когда они исчезнут вовсе, оставшись только в наших легендах и мифах. Их популяция сохранилась до сих пор лишь благодаря чудовищной по сравнению с нашей продолжительности жизни. Кстати, Голос Дракона отчасти подтвердил сегодня мои предположения. Он сказал, что время драконов подходит к концу, и здесь я с ним целиком и полностью согласен.

— И какие же выводы можно из всего этого сделать?

— Выводы просты, — ответил Корнелиус. — Во-первых, Пир Народов должен найти в себе силы освободиться из-под власти Варрависа. Для этого нужна только наша собственная воля, поскольку дракон уже вовсе не настолько силен и грозен, каковым хочет казаться. Во-вторых, мы в любом случае должны найти последнего Дунгара, но не для того, чтобы тут же немедленно убить его. Если исходить из того, что драконы изначально были враждебны по отношению к коренному населению Карелана, здесь возможны два варианта. Первый — талисман раз и навсегда покончит с господством драконов. Я не знаю, какие именно силы заключены в нем. Как знать, а вдруг Драконий Камень способен открывать и закрывать врата между реальностями? Что, если мы, получив его в свои руки, сможем предотвратить попытку нового вторжения враждебной силы на Карелан?!

— Ну а второй вариант?

— Второй более опасен. Талисман может оказаться ло-

вушкой. Я маг, как ты знаешь, и законы магии все-таки немного разумею. Сегодня Голос Дракона описал нам, каким образом Авелю удалось получить талисман, и меня это крайне насторожило. Понимаешь, всякое действие, особенно в магии, имеет свою обратную сторону. Если покойный император получил доступ к силам, хранящимся в Слезе Дракона, смешав ее со своей кровью, то точно так же и эта сила получила власть над ним. Возможно, мы и в самом деле поступили мудро, уничтожив Авеля, иначе сегодня могли бы иметь правителем этакого дракона в человеческом обличье. К добру это или к худу — вопрос открытый, но я все же опасаясь подобного поворота событий.

— Но Авель был убит именно по настоянию Варрависа. Это ли не говорит в пользу первой версии?

— У Варрависа могут быть и какие-то свои собственные соображения, о которых мы даже и не догадываемся, — возразил Линдл. — Он ведь не от нашего мира. Возможно, там правят совершенно другие законы. Драконы, как ты знаешь, не слишком-то ладят между собой, а талисман может содержать в себе, к примеру, сущность злейшего противника Варрависа.

— Возможно, ты и прав, — задумчиво проговорил Болло. — Но что же нам тогда делать с наследником Авеля? Ты настолько все запутал, что теперь задача становится просто неразрешимой. Мы в одинаковой степени можем ошибиться, как убив его, так и оставив в живых.

— Для начала его необходимо просто найти, ну а затем наблюдать за ним. Голос Дракона говорит, что талисман будет притягивать к себе кровь Авеля. Что же, охотно в это верю. А что произойдет дальше? Безумно интересно, но и страшно тоже! Такой магической загадки мне еще не приходилось решать!

— Ты хочешь сказать, что готов втянуть нас всех в хаос исключительно ради научного интереса? — возмутился Ларс Болло. — Тогда уж я лучше доверюсь Варравису и выполню решение Совета!

— Нет, Ларс! Конечно нет! — подозрительно быстро откликнулся Велес. — Но и спускать глаз с мальчишки тоже нельзя ни на минуту. Кто знает, какие сюрпризы нам может преподнести драконья магия! Если появится хоть малейший

намек на то, что события развиваются по второму сценарию, его придется немедленно ликвидировать. Но ведь существует еще и первый! А вот ради него стоит рискнуть!

— Ну что у тебя за привычка такая, Корнелиус! — тяжело вздохнул Болло. — Никогда не дашь прямого и однозначного ответа!

— Его пока просто нет, — с грустью в голосе ответил Велес. — Но мы должны его получить, чего бы нам это ни стоило! Именно в нем заключается то, каким станет наше будущее. Как ты думаешь, кому из членов Совета мы можем довериться?

— Никому, — угрюмо буркнул Ларс. — Раньше я мог бы поручиться за Спящего Льва, но сегодня наши с ним интересы разнятся: орк безусловно поддерживает мнение Варрависа. Можно, конечно, попробовать поговорить с Эдвардом, но его сейчас усердно обрабатывает Голос Дракона. О чем они с ним договорятся, одним только богам известно. Принцесса и Лоэнгрем, как всегда, темнят. Не зря же говорят: спроси у эльфа совет — в ответ получишь «да» и «нет». Хотя с тобой точно такая же ситуация. Скажи, Корнелиус, у тебя в роду эльфов случайно не было?

— К счастью, нет, — рассмеялся Велес и, перейдя на более серьезный тон, добавил: — Я не темню с тобой, Ларс. Поверь, я выложил все, что знаю, как на духу. И даже то, о чем лишь догадываюсь. Мы должны доверять друг другу, действовать совместно, иначе смысла в нашем пребывании на Пире Народов не будет никакого. Мы оба представляем здесь людей, а значит, в первую очередь обязаны отстаивать их интересы. Не забывая, конечно, и об интересах соседей. Только дракона я все же исключил бы из числа наших потенциальных союзников. Мы с ним абсолютно разные и говорим на разных языках. Не может овца доверять тигру, даже если этот полосатый хищник сыт и изъясняется ей в любви.

Принцесса Альвана и Лоэнгрем чинно сидели за изысканно накрытым столиком и потягивали выдержанное красное вино. Эльфы не любили торопливости, поэтому сразу же затеять бурное обсуждение только что прошедшего заседания Высшего Совета Пира Народов считалось для них неприличным. Правда, Альвана всегда отличалась от своих сородичей

нетерпеливостью, поэтому, как только она решила, что церемониальная часть ужина соблюдена в полной мере, сразу же завела разговор на интересующую ее тему.

— Для тебя, брат мой, наверное, стало новостью, что именно Пир Народов устранил Авеля Дунгара? — спросила она.

Здесь надо пояснить, что Альвана и Лоэнгрем вовсе не состояли в кровном родстве. Просто обращение друг к другу как к брату и сестре считалось среди эльфов признаком доверия и искреннего расположения к собеседнику.

— Не совсем. Я всегда догадывался об этом, лишь конкретных деталей не знал. Во всяком случае, полной неожиданностью слова Голоса Дракона для меня сегодня не стали. Я разобрался в причинах, побудивших Пир Народов к крайним мерам, и они кажутся мне весьма убедительными.

— Как ему это удалось? — размышляя о чем-то своем, задумчиво произнесла принцесса. — Вне всякого сомнения, это был великий человек! Магия дракона... Это как раз то, чего так остро не хватает нам, эльфам, для возвращения себе ведущих позиций среди прочих народов. Почему именно Авелю досталось сокровище, распорядиться которым он толком так и не сумел?!

— О чем ты? — настоженно спросил Лоэнгрем.

— О Драконьем Камне, конечно, — с очаровательной улыбкой на лице ответила Альвана. — Варравис прав в одном: людской век короток, и неизвестно, кто завладеет огромной силой амулета по прошествии нескольких поколений. Но есть же еще и эльфы! Наша жизнь намного превышает человеческую, и дело здесь не только во временном факторе. Мы веками накапливаем мудрость, столь необходимую, когда имеешь дело с могущественной, но опасной магией. Я уверена, попади амулет к нам в руки — мы смогли бы распорядиться им гораздо эффективнее, чем это сделал Абель. Мы вернули бы себе былое величие, и все прочие народы были бы вынуждены признать нашу главенствующую роль на Карелане. Почему же боги распорядились подобным образом? Почему сила была отдана тому, кто не в состоянии с нею совладать? Опять упущенные возможности, и опять потеря бесценных знаний! Разве это справедливо?!

— Увы, здесь уже ничего не исправишь, — вздохнул Лоэнгрем. — Слеза Дракона смешана с кровью императора, и толь-

ко его наследник может пробудить ее. А это, насколько я понимаю, противоречит интересам эльфов.

— Но в жилах Дунгаров текла и эльфийская кровь тоже. Пусть в небольших количествах, но все же...

— К чему ты клонишь, сестра? Я вижу, что у тебя созрел какой-то дерзкий план, но пока не могу уловить его сути.

— Я и сама еще не до конца разобралась в своих мыслях, но одно мне предельно ясно уже сейчас. Мы не должны допустить, чтобы Варравис уничтожил последнего наследника императора, иначе сила и мудрость, хранящиеся в талисмানে, будут потеряны для нас безвозвратно. И не только для эльфов, но и для всего мира тоже.

— А какой нам в этом резон, если знания все равно достанутся нашим соперникам? Или ты надеешься, что ничтожная капля эльфийской крови, текущая в жилах наследника, возобладает над людской?

— Нет, я не настолько наивна, — презрительно фыркнула принцесса. — Но есть же и другая возможность! У сына императора должен родиться свой собственный наследник, а родиться он может и от эльфийской женщины.

— Ты серьезно веришь в подобную возможность? Браки между людьми и эльфами очень редко приносят потомство.

— А вот здесь нам как раз и может пригодиться та самая «ничтожная» капля эльфийской крови, — возразила Альвана. — То, что уже произошло однажды, с большой долей вероятности может повториться. Я даже вижу в этом некое предзнаменование!

— Хорошо, допустим, что ты права. Но дети у эльфов рождаются тоже крайне редко. Хватит ли продолжительности жизни наследника Авеля для того, чтобы дождаться появления на свет потомка? Да и вообще, согласится ли он сам на брак с эльфийкой? Или вот другой вопрос, уже поднимавшийся на Совете Филином: а где гарантия того, что этот юноша, подобно своему папаше, не начнет гулять на стороне и плодить направо и налево наследников людской крови?

— Все остальные для нас будут абсолютно не важны, — отрезала принцесса. — Нас интересует только полуэльф!

— Пусть так, хотя престол под ним всегда будет очень шатким. А как мы сможем утаить свои действия от всех остальных членов Пира Народов, и особенно от Варрависа?